Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!

П. Б. Струве "Общественная реакция" или борьба с реакцией? Призыв к покаянию или призыв к собиранию сил?

В оценке "Вех" наступает в нашей прогрессивной печати поворот, который нельзя не признать большим шагом вперед. Озлобление и обида за оскорбленное величество интеллигенции сменяются критикой по существу, и в серьезных устах уже не слышатся нелепые обвинения в "реакционности".

В другом месте {См. ниже в отделе "На разные темы".} я указываю, на какую наклонную плоскость становятся наши противники, выдвигая подобные обвинения. Такая полемика действует отупляющим образом на сознание. Во-первых, она увековечивает верхоглядство, поверхностную, да позволено будет сказать, чисто полицейскую точку зрения на идеи. Во-вторых, -- и это второе связано с первым -- она стремится погасить всякую работу мысли "одиозными", т. е. внушающими недобрые чувства, обвинениями. "Реакция", "реакционер" -- значит его нечего слушать не только теперь, но и вообще. В стадном обществе действие всякой смелой, дерзающей мысли необычайно легко пресекается такими обвинениями. Этот метод полемики наносит огромный вред, отражаясь на всем духовном складе общества. Он приносит дурные плоды и в целом ряде частных практических случаев, ибо он извращает все общественные оценки даже в отношении отдельных лиц. В последнем историческом итоге, конечно, все потонет, "история" во всем разберется, но в каждый данный момент это может означать довольно крупный ущерб.

При той бесшабашной легкости, с которой у нас раздаются и воспринимаются широкой публикой подобные политические аттестации, смелые и независимые люди попадают в "подозрение", а люди, умеющие думать и говорить так, как это нравится "большинству собрания", люди, мыслящие и чувствующие в меру настроения толпы, становятся авторитетами и вершителями. Т. е. в корне извращается и подрывается та духовная и материальная основа, на которой может держаться авторитет, как нечто здоровое и законное, как некоторое главенство, утверждаемое на моральном и духовном превосходстве, авторитет -- истинный, а не облыжный.

У нас принято говорить, что все дело освобождения провалилось, потому что не было гениальных и хотя бы талантливых вождей. Помимо того что в этом обвинении повторяется забавная старая история: всякая эпоха считает самое себя самой глупой, самой бездарной, самой развращенной -- в нем интересно полное извращение истинного соотношения между "ведущими" и "ведомыми" в эпоху русской революции.

Кто имел в русском освободительном движении наибольшее личное обаяние и в силу того мог иметь наибольшее влияние и сконцентрировать на себе наибольшую сумму авторитета? Именно люди, которые имели наименьшие права на авторитет. Русская "толпа" -- толпа в самом широком смысле слова, сама создавала себе авторитеты. Не подчинялась авторитету как некоему объективному превосходству, а превращала в авторитет то, что угождало и "служило" ей, толпе. Вот почему до 17 октября единственным действительно влиятельным человеком в массовом народном движении был Гапон2. Вот почему самым популярным в широких кругах деятелем первой Думы был г. Аладьин3.

В разное время мне приходилось подолгу говорить с Талоном. В другой раз я расскажу более подробно об этих встречах. Это был человек, при всей своей сметливости, духовно совершенно ничтожный и глубоко бесчестный. Но в итоге встреч с этой любопытной "исторической" фигурой я понял и теперь совершенно ясно вижу, что не вопреки отмеченным свойствам, а именно благодаря им он в свое время явился авторитетом и приобрел такое влияние на умы.

Я мог бы иллюстрировать другими менее яркими примерами свою мысль. Вот эта ужасная неспособность к качественным оценкам людей, а не отсутствие людей обусловило отсутствие настоящих авторитетов в движении. "Толпа" не умела ни различать, ни признавать истинного авторитета. Именно в этом сказалась политическая и, общее, духовная незрелость всего народа. В дни свобод такого человека, как Д. Н. Шипов4, в широких кругах трактовали едва ли не как реакционера. К. К. Арсеньев тогда же навлек на себя нападки и должен был выйти из партии "Народной свободы" потому, что усомнился в правильности метода "прямых" выборов в русских условиях.

В обществе с таким духовным складом выдвигать против идей и писателей обвинения в "реакционности" значит не только увековечивать его верхоглядство, но и всячески поддерживать в нем черту, которая оказалась едва ли не самой пагубной для торжества новых государственных порядков. В настоящую минуту и в связи с чисто литературным явлением это соображение, быть может, лишено той видимой остроты, которая была ему присуща в других случаях. Но принципиальное его значение очень велико, и вот почему, когда с такой полемикой против "Вех" выступают такие люди, как кн. Д. И. Шаховской

{В статье "Слепые вожди слепых", напечатанной в ярославском "Голосе" в номере от 3 апреля.}, приходится изумляться тому, какие важные уроки недавнего прошлого остались ими не усвоенными и как беззаботны они насчет политического воспитания русского общества.

Та идейная работа, которую делают авторы "Вех", не есть "общественная реакция", а есть борьба с реакцией в ее подлинном убежище, в нашей собственной слабости, в наших недостатках, возводимых к их самым общим и глубоким источникам. Любопытно, что нашим противникам из лагеря "кадетского" или, общее, "либерального" нечего возразить против практически-политических выводов, отчасти делаемых нами, отчасти вырисовывающихся из наших рассуждений. А в то же время мотивы их разногласия вряд ли уже отвлеченно-философские. Ведь высылают же они против нас, между прочим, Д. С. Мережковского, с которым у них самих нет идейно ничего общего. Когда Д. С. Мережковский спорит против меня в "Речи"5 и во имя "апокалипсиса" обличает меня в реакционности, это, может быть, эффектно с точки зрения газетной сервировки, но по существу смехотворно и в то же время производит отчаянную путаницу, настоящий хаос в умах читателей. Идейное воспитание приносится тут в жертву какой-то тактике, смысл которой мне мало понятен.

* * *

Я сказал выше, что в споре о "Вехах" наступает поворот. Спокойно, быть может слишком спокойно, пишет об этих темах в "Вестнике Европы" всегда уравновешенный, всегда соблюдающий меру К. К. Арсеньев6.

Он понимает смысл сборника как "призыв к покаянию".

Для меня, должен сказать, вовсе не в этом его смысл. Если это -- "призыв", то призыв к собиранию сил, к свободному и в то же время проникнутому чувством "меры" творчеству жизни.

Нас обвиняли в агрессивном тоне против интеллигенции, в прокурорском усердии и проч. Боюсь, что даже такие спокойные наши оппоненты, как уважаемый К. К. Арсеньев, наоборот, впадают в роль "апологетов" и даже "защитников" в процессуальном смысле. Так, цитируя мои слова о том, что "суть дела не в том, что революцию делали плохо, а в том, что ее вообще делали, когда вся задача состояла в том, чтобы все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании", почтенный редактор "Вестника Европы" спрашивает: "Слыханное ли дело, чтобы в такие критические минуты, какие переживала Россия в 1904--1906 гг., общественное внимание сосредоточивалось на вопросах воспитания и самовоспитания?" Обращенный против меня вопрос этот в устах К. К. Арсеньева представляет уж слишком формальную "защиту", если не простое недоразумение. Ибо я под политическим воспитанием и самовоспитанием, противопоставляя его "деланию" революции {Ударение лежит тут на слове "делать", и это значит на конкретных примерах вот что: первая всеобщая стачка "произошла", "случилась", вторая и третья были "сделаны".}, противополагал один вид, один метод политического действия другому. Это совершенно ясно из продолжения той же цитаты: "Война раскрыла глаза народу, пробудила национальную совесть, и это пробуждение открывало для работы политического воспитания такие широкие возможности, которые обещали самые обильные плоды. И вместо этого что же мы видели? Две всеобщие стачки с революционным взвинчиванием рабочих масс (Совет рабочих депутатов!), ряд военных бунтов, бессмысленных и жалких, московское восстание, которое было гораздо хуже, чем оно представилось в первый момент, бойкот выборов в первую Думу и подготовка (при участии провокации!) дальнейших вооруженных восстаний, разразившихся уже после роспуска Государственной Думы".

Моя мысль тут совершенно ясна, и меня удивляет, почему К. К. Арсеньев с нею спорит. Конечно, все случившееся (и в том числе московское восстание) было в известном смысле исторически неизбежно, но тем не менее с той общей точки зрения, на которой стоим мы оба, и К. К. Арсеньев, и я, совершенно ясно, что участие в выборах в первую Г<осударственную> Думу было делом политического воспитания и самовоспитания, а пропаганда восстаний и всеобщих стачек была делом прямо противоположным. Впрочем, это настолько верно в объективном смысле, что против этого нельзя в настоящее время спорить даже и под чисто революционным углом зрения.

Если К. К. Арсеньев рассматривает "Вехи" преимущественно с точки зрения правильности и определенности заключающихся в сборнике "обвинений", то с этой точки зрения в том пункте, которого я сейчас касаюсь, мое "обвинение" более правильно и определенно, чем его "защита". Оно направлено против определенных групп и говорит о совершенно определенных действиях. Обвинение в данном случае гораздо точнее защиты. Мой почтенный оппонент, по свойственной ему мягкости, увлекся в сторону "апологетики".

Но вообще суть дела, конечно, не в обвинениях, не в том, кому вменять, а

что вменять. Суть дела не в оценке людей, которые сошли или сойдут со сцены, а в оценке идей, мировоззрений и действий независимо от того, кому они могут и должны быть приписаны или вменены.

Мировоззрения, идеи и действия гораздо долговечнее и могущественнее людей. Не следует к состязанию идей подходить с "процессуальными" мерками и критериями, искать в нем обвинение и защиту.

Состязание идей совсем особый суд, где нет ни прокуроров, ни защитников.

Не следует также такое состязание приравнивать к исповеди или покаянию.

Состязание идей есть борьба и собирание духовных сил.

В одном частном разговоре мне пришлось услышать про "Вехи": это -- немужественная книга. Да, для тех, кому слышится в ней только призыв к покаянию, она может казаться немужественной и недейственной. Но я с этим согласиться не могу: для меня это -- призыв к собиранию сил, к созданию нового духовного закала, призванного воплощаться в жизни и в действии.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!